

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЭССЕИСТИКЕ ТОМАСА МАННА (Литературоведческий комментарий к эссе "Слово о Чехове")

Веслава Возняк (Люблин)

"То, что учит нас жить - жизнь,
не философия, и больше того,
это именно жизнь учит нас мышлению."

Tym, co uczy nas żyć, jest życie
nie filozofia, a co więcej,
to właśnie życie uczy nas myśleć.

(Enzo Paci, Ze szkicu: L'eredita di Banfi)

В обширном эссеистическом наследии Томаса Манна, художника, который нашел свое неповторимое писательское лицо в жанре интеллектуального романа, русская литература занимает значительное и важное место. В художественном становлении автора "Волшебной горы" она сыграла существенную роль, о чем многократно говорил сам писатель, и что подтверждает, кроме эссеистики, также его эпистолография. В критических статьях, выступлениях и многочисленных письмах повторяются имена Л. Толстого, Тургенева, Достоевского, Пушкина, Гоголя.¹ Манн интересовался также творчеством более современных ему художников: И. Бунина, Ан. Белого, Д. Мережковского, которого ценил прежде всего как критика, Михаила Кузьмина.

¹ Кроме *Russische Anthologie* ("Süddeutsche Monatshefte", 18, Jg. N. 5 (Feb.) 1921), изданной С. Фишером, Berlin 1922 и его пополненным вариантом: *Russische Anthologie: Altes und Neues*, 1953, названные фамилии писателей выступают в письмах (данные по третьему изданию на польском языке: *Mann, T.: Listy 1889-1936*. Wydała Eryka Mann, przekł. Wanda Jedlicka, Czytelnik 1966; *Mann, T.: Listy 1937-1947*. Wyd. Eryka Mann, przekł. W. Jedlicka, Teresa Jętkiewicz, Warszawa 1970; *Mann, T.: Listy 1948-1955*. Wyd. Eryka Mann, przekł. Tadeusz Zabłudowski, Czytelnik, Warszawa 1973), или как информация о знакомстве с отдельным произведением данного писателя, или просьба к адресату прислать определенный экземпляр перевода. Наряду с Толстым и Достоевским чаще всего упоминается Иван Тургенев, с творчеством которогознакомился уже двадцатилетний Манн, а зрелый писатель в 1950 году заявлял, что "Отцы и дети" (рядом с "Войной и миром", "Братьями Карамазовыми" или "Бесами") нашлись бы в списке книг, которые взял бы с собой на необитаемый остров (письмо от 29 фев. 1950, Бернарду Бенке; данные по польскому изданию писем).

В длинном списке адресатов писателя находим Ивана Шмелёва, с которым Манн был лично знаком (встреча в Париже в 1926 году) и четыре раза (20-е и 30-е годы) обменивался письмами.²

Взгляд на русскую литературу, как на литературу "святую", "достойную преклонения" (по определению самого Манна) был выражен писателем еще в начале века в "Тонио Крегере".³ Вспоминая (в 1930 году) свои студенческие годы, Манн признается в автобиографическом очерке: "(...) окруженный дымом сигарет я поглощал скандинавскую и русскую литературу."⁴ "В молодости я вобрал в себе многое из духовного и художественного мира русского Востока и не избегал огромного влияния, которое оказал Достоевский на всю Европу. Но и тут лично мне были ближе писатели, испытавшие влияние Запада. Такие как Толстой и Тургенев (...). - замечает в 1932 году в письме Б. Фучику.⁵

В кругу русских творцов, имена которых присутствуют в заявлениях, высказываниях, замечаниях и литературных реминисценциях Манна "господствует" Лев Толстой. Вместе с Гёте, Шиллером и в некоторой степени с Достоевским автор "Войны и мира" был духовным спутником художника на протяжении всей его литературной деятельности. Особую привязанность к Толстому, наиболее близкому эпическому идеалу Манна,⁶ писатель выразил в письме Алексею Толстому, в котором читаем: "Вы носите имя того гиганта литературного творчества, которого наряду с Гёте, я в мире духа люблю и чту

² Данные содержит польское трехтомное издание писем Т. Манна. По ним можно судить, что Манн знал "Петербург" Белого, читал Кузьмина в переводе Эльясберга (письма от 1919 г.). Мережковский как романист не произвел на него глубокое впечатление (письмо от 1945 г. Анне Якобсон). Далеко не все перечисленные мною фамилии русских писателей выступают в русском издании писем Манна (однотомник, 300 писем: *Манн, Т.: Письма*. Изд. подготовил С. К. Апт, Москва 1975. Нет в них, например, писем И. Шмелёву, содержащих информации о новых произведениях автора и откликах на них самого Манна.

³ *Mann, T.: Tonio Kröger. (W:) tenże, Opowiadania, Warszawa 1968, s. 73.* Определения своего героя повторил Манн в открытом письме Алексею Толстому (1943 г.): "Позвольте, дорогой Алексей Толстой, кончить словами любви и восхищения, отнесенными к великой, святой, глубоко человеческой культуре России, культуре, которой моя жизнь, мое становление стольким обязаны", "Иностранная литература" 1987, № 11, с. 211.

⁴ *Mann, T.: Szkic autobiograficzny. (W:) tenże, O sobie. Wybór pism autobiograficznych, Warszawa 1971, s. 33 (przekł. z jęz. niem. Wanda Jedlicka).*

⁵ *Манн, Т.: Письма. Цит. раб., с. 49.*

⁶ Это замечание автора "Тонио Крегера" находим в письме Ст. Цвейгу (от фев. 1920 г.), *См. Манн, Т.: Письма..., с. 25.*

больше всего, к которому, как писатель, чувствую себя больше всего обязанным."⁷

Художественным выражением этого признания был большой историко-литературный этюд "Гёте и Толстой", созданный еще в 1922 году.⁸ Оригинальный, в высшей степени нетрадиционный по художественной структуре, органически сплавляющий в себе "литературность" повествования и диалоговую форму эссе, этюд приносит сравнительную характеристику обоих классиков, которая является для Манна поводом для того, чтобы задуматься о наиболее совершенном типе человека. (Вопрос этот просвечивает и в других статьях писателя).

Феномен эссеистики Манна - это своеобразное совмещение художника с критиком-аналитиком, который отличается особым интересом критического познания, тем, что можно назвать обдумыванием "на стороне", вынашиванием в "чисто логической сфере" той мысли и тех мыслей, которым предназначена движущая роль в художественном творчестве писателя.⁹ Его интересы как критика направлены почти исключительно на фигуры, идеи, произведения, волнующие его как "человека и писателя", стимулирующие его воображение художника, вызывающие у него восхищение или протест, т. е. не подчинены какой-то системе, а наоборот, сами образуют систему постоянных, глубоко личных пристрастий. Эссе Манна, как и его письма, составляют некий континуум, некий непрерывный поток жизни и размышлений. Художники или мыслители, упоминаемые, цитируемые, анализируемые, служат в них как бы фундаментом рассуждениям о литературе и искусстве.

Среди русских имен, фигурирующих в его статьях или заголовках статей наряду с упоминаемыми Толстым, Тургеневым, Достоевским, Пушкиным и Гоголем выступает Чехов, к которому автор "Тонио Крегера" обращается в своей последней работе о русской литературе (в какой-то степени итоговой). "Слово о Чехове" он пишет, как известно, за год до смерти в 1954 году, с позиции созревшего художника. И естественно, что в творчестве и высказываниях другого крупнейшего писателя он ищет и подчеркивает преимущественно то, что сродни ему и его искусству (так это было и в ранних его эссе), благодаря чему литературный портрет Чехова в известном смысле становится автопортретом. В "Слове о Чехове" без труда можно уловить черты такого

⁷ Из письма Т. Манна Алексею Толстому, см. "Иностранная литература 1987, № 11, с. 210.

⁸ Замечания об искусстве Л. Толстого см. тоже в статьях: Анна Каренина. Вступление к американскому изданию (1939 г.) и Искусство романа (1939), а также в многочисленных письмах.

⁹ О Т. Манне-критике см. статью: *Вильмонт, Н.:* Художник как критик. (В.): Вот же: Великие спутники. Литературные этюды. Москва 1966, сс. 548-589.

автопортретирования, так же, как и в статьях о Лессинге, Шиллере, Гёте или Толстом.¹⁰ (К этому вопросу мы вернемся позже, обращая внимание на аналогии, выступившие у обоих художников).

Прежде чем я перейду к самому тексту, который в литературоведческой критике упоминается лишь в примечаниях, а заслуживает, как можно судить, более пристального внимания, я хочу привести некоторые фактографические данные, помогающие, как можно предполагать, разъяснить отношение Манна к творчеству Чехова. Автор "Вишневого сада" значительно реже, чем другие русские классики, "сопутствует" Манну на протяжении его литературного пути.¹¹ Но с его прозой Манн знакомится еще в молодости. В 1898 году он пишет Корфицу Гольму (писателю, своему другу по школе), что прочитал "Дуэль" и комментирует, восхищаясь: "Ох, как эти русские умеют рассказывать!"¹² Двадцать лет спустя (1917) в письме переводчику А. Эльясбергу выражает свой восторг по поводу сборника чеховских рассказов: "Хочу сказать Вам сегодня же, как порадовал меня Ваш подарок, и с какой благодарностью я снова наслаждался этим искусством, глубоко западающим в душу, здоровым и приятным на вкус, без излишних пряностей, - искусством особенно добротным оттого, что оно пренебрегает внешней заостренностью или не обладает ею (лучше добродетель, чем "мораль") (...)." ¹³

И потом позже, уже в 1954 году письмо Фридриху Веберу (журналисту и писателю), сообщающее о работе над статьей, подтверждающее особый интерес к автору "Дамы с собачкой": "Уже не один словестливый писатель спрашивал себя: "Не обманываю ли я читателя своим талантом, не зная, как ответить на важнейшие вопросы?" Я цитирую

¹⁰ Можно повторить за С. К. Аптом, что самый постоянный объект и повод для аналитического разбора в эссенцистиче и письмах, в которых он осмысляет собственную роль, собственное место в литературе - сам Томас Манн и его творчество (форма письма давала ему для такого самоанализа еще больший простор, санкционируя право входить в детали), См. Апт, С. К.: Письма Томаса Манна. В: *Манн, Т.: Письма*, цит. раб., с. 375-396. И еще голос самого Манна, который признается в 1911 г.: "(...) Эссенцистика, как критический контроль собственной жизни, всегда будет составной частью моего творчества." (Манн, Т.: *Szkic autobiograficzny*. (W:) *Mann, T.: O sobie*. Op. cit., s. 57).

¹¹ Как известно из писем, многочисленных высказываний, любимым русским писателем Манна был, наряду с Толстым, Иван Тургенев. Автор "Доктора Фаустуса" собирался написать статью о нем, в чем признавался в письме А. Эльясбергу от 1914 года: "Читаю теперь Тургенева с таким же воодушевлением и восхищением как и двадцать лет тому назад. Мечтаю о том, чтобы раньше или позже написать о нем большую статью, особенно потому, что, как мне кажется, его сейчас недооценивают и обходят в пользу Достоевского. Радуюсь, что возьму его в защиту". (перевод из польского издания, В. В.: *T. Mann, Listy 1889-1936*. cyt. wyd., s. 154).

¹² *Mann, T.: Listy 1889-1936*. Cyt. wyd. s. 29. Tłumacz. W. W.

¹³ См. *Hofman, A.: Thomas Mann a Rusko*. Praha 1959, s. 134.

Антон Чехова, о ком пишу сейчас статью, потому что он бесконечно мне симпатичен, и притом именно "страхом", который внушала ему его слава. В 29 лет он сумел проникнуться чувствами близкого к смерти старика (в шедевре "Скучная история"), ученого с мировым именем, который, несмотря на свои большие заслуги, в конце признает, что в его жизни не было "общей идеи", и когда любимое существо, несчастное и растерянное, умоляюще спрашивает его: "Что мне делать?" - вынужден ответить: "По совести, не знаю."¹⁴

В этом довольно скромном фактографическом контексте я хочу предложить анализ текста Манна с точки зрения его структуры и жанровых особенностей. (Трудно говорить об эссе Томаса Манна, одного из величайших европейских эссеистов - наряду с Г. Брохом и Р. Муцилом - обходя вопросы жанра).¹⁵ Такое описание, и в дальнейшем интерпретация, позволят выявить, как можно судить, каким образом Манн - приближаясь к Чехову по законам искусства и сказав о нем свое слово писателя - подходит к проблеме соотношения человека и художника в творчестве. Оно должно также показать, что "Слово о Чехове" является чем-то более значительным, нежели преклонением одного мастера перед другим и родным духу первого искусством второго, по причине сознательно затронутых в нем этических проблем, волнующих всякого настоящего художника.

Отвечая на вопрос о способе построения Манном изображенного мира своего высказывания обращаемся сперва к жанровым особенностям "Слова о Чехове". Именно они в значительной степени организуют его семантику и определяют значимость. Как известно, эссе - феномен, родившийся на пересечении художественной литературы и науки - является жанром довольно эластичным, способным отражать разные проявления действительности. Созерцательная позиция автора по отношению к миру, обуславливающая интеллектуальный характер эссе, определяет его тематическую ёмкость.¹⁶ Пограничность жанра - сочетание документальности изложения с художественным повество-

¹⁴ В 1954 году литературный мир отмечал 50 годовщину со дня смерти Чехова, и можно предположить, что "Слово о Чехове" появилось именно тогда. Такое мнение подтверждает также начало текста. *Манн, Т.: Письма. Цит. изд., с. 340.*

¹⁵ *Massini, F.: Przyczynek do filozofii eseju. (W:) Neuere Studien zur Aphoristik und Essayistik mit einer Handvoll zeitdenkssischer Aphorismen, G. Cantarutti, M. Schumacher (red.) Frankfurt am Main-Bern-New York 1986; rec. Zagadnienia rodzajów literackich 1989, t. XXXII, Zeszyt 1 (63) wyd. Wrocław-Warszawa-Kraków 1991, s. 81.*

¹⁶ См. *Sikora, J.: U źródeł eseju. "Przegląd Humanistyczny" 1974 nr 3, ss. 91-103; W. Głowala, Próba teorii eseju literackiego, Acta Universitatis Wratislaviensis, Wrocław 1965, nr 40, s. 161; Dybiak, K.: Inwazja eseju. "Pamiętnik Literacki" 1977, z. 4, s. 114.*

ванием - усложняют формулировку его типологических признаков.¹⁷ Отметим, что современное понимание критериев эссе связано в западном литературоведении с фамилиями Клауса Гинтера, Бруно Бергера и Джона С. Стюарда.¹⁸ Представления о жанре, которые содержат теоретические работы названных ученых, предлагающие либо классификацию эссе по теоретическим признакам, либо по формальным принципам, или рассматривающие эссе с точки зрения цели высказывания, способа изображения и позиции автора использует польский литературовед Томаш Брочиньски, удачно и убедительно конструируя на этой основе картину некоторых структурных особенностей эссе. Попытка выявить жанромодифицирующие признаки этой формы приводит Врочьинского к следующей дефиниции: "Эссе - это афиктивный прозаический жанр, в котором создателем и рассказчиком консидеративного изображенного мира является сам автор."¹⁹ Диалоговая структура эссе, определяющая его жанровое своеобразие, выражена в тексте цитатой, анекдотом, образом, отступлением и литературной аллюзией. "Слово о Чехове" Манна полностью сохраняет названные структурные элементы жанра, а их особая организация, намеренное строение, специфический отбор, вполне реализующие замысел

¹⁷Трудность жанрового определения эссе происходит в значительной степени и оттого, что эта форма, пребывая в зоне контактов с другими жанрами и жанровыми разновидностями публицистической и художественной прозы, крайне редко оставалась нерушимой. Содержательные сдвиги разножанровых компонентов обычно влекут здесь за собой изменения формальные. Именно поэтому в литературоведении эссе принято считать открытым жанром. См.: *Steward, J. L.: The Essay. A critical anthology. Edited by John L. Steward, New York 1954; Wroczynski, T.: Esej - zarys teorii gatunku. "Przegląd Humanistyczny" 1986, nr 5/6, ss. 101-113.*

¹⁸*Günter, K.: Just Essay. W: Deutsche Philologie im Aufriß, Bd. 2, Berlin 1960; Berger, B.: Der Essay. Form und Geschichte, Bern-München 1964; Steward, J. L.: The Essay. A critical anthology, op. cit. К. Гинтер приводит тематическую классификацию эссе (культурно-критический, биографический, литературно-критический); Бергер использует формальные принципы: эссе: изображающий, критический, медитационный, иронический (следует отметить, что на практике отдельный текст эссе содержит в себе большинство этих разновидностей); Д. Стюард, различая цель эссеистического творчества, способ решения темы и позицию автора, выделяет три основные группы эссе, каждая из которых имеет ряд разновидностей: 1) фактографические и объясняющее эссе, 2) эссе интерпретирующие культурные явления, 3) эссе, связанные творческим воображением, обладающие чертами художественной структуры.*

¹⁹Консидеративный (название, использованное Б. Бергером для описания медитационного эссе) изображенный мир эссе - это мир названных мыслей автора, в котором изображенные вещи и явления не могли бы существовать самостоятельно - по принципу литературной функции - а лишь в соединении с идеей, которую экземплифицируют. Консидеративная концепция изображенного мира эссе разъясняет его синкретическую концепцию как формы художественного высказывания. См. *Wroczynski, T.: Esej - Zarys teorii gatunku. Op. cit., s. 107.*

художника, приводят к созданию особого мира, в котором присутствуют рядом с Чеховым и самим Манном искусство и жизнь.

Как построен этот мир, из которого перед читателем встает Чехов - человек и художник, Манн - художник и критик и искусство - "критерий всякого стремления к совершенству" (по словам самого Манна)²⁰ - с его основными, вневременными как оно само этическими и эстетическими проблемами?

Рисзуемый Манном мир Чехова создает в тексте структуру, в которой можно выделить два поля. Эти своего рода два параметра, взаимозависимость которых обусловлена выполнением по отношению друг к другу определенных функций, в одинаковой степени значительны для понимания семантика эссе. Первый из них образует круг, воплощающий понятие: ч е л о в е к. С ним связаны, выступающие в тексте биографические данные о Чехове, иногда передаваемые в форме анекдота (что в значительной степени придает изображаемому фабульность).²¹ Из фактов вырисовывается повседневная жизнь писателя, отношения с родными, близкими, его материальное положение. На страницах эссе появляется Чехов-врач, писатель и философ-практик. (Манну явно импонирует, что автор "Дяди Вани" был человеком не только "слова", но и "дела", обладавшим глубокой верой в свою профессию врача). Автор "Будденброков" отмечает глубинное, основополагающее для Чехова убеждение - ценность уникального, личного, практического опыта человека. Как полагает писатель, постоянно "ощущение смерти" стимулировало жизненную активность Чехова, было в какой-то степени источником его "творческой печали" и личной сдержанности, оберегаемой, скрываемой за искренностью, дружелюбием, приветливостью и честностью. Из жизни Чехова автор берет все то, что позволяет ему осмыслить творческую личность писателя. В русском мастере он видит человека и художника, воплотившего свою философию жизни, свое известное "несмотря на... следует..." в творчестве и в практической деятельности.

Второй параметр консидеративного изображенного мира образует в эссе понятие: х у д о ж н и к. В поле высказываний появляются здесь информации о произведениях Чехова, проводится своего рода анализ избранных сочинений (кажется, не случайно подобранных, причем анализ этот направлен очень определенно и соединяется с главной идеей всего эссе), широко используются цитаты, эмпири-

²⁰ Манн, Т.: Сочинения в десяти томах. Москва 1959, т. 10, с. 487

²¹ Анекдот, как элемент поэтики эссе, способствует фабульности высказывания. См. Wroczyński, T.: Esej - Zarzys teorii gatunku. Op. cit., s. 111.

ческие и цитаты структур, углубляющие диалоговую структуру эссе.²² Размышляя над чеховскими сочинениями, Манн пытается показать всю ту глубину, которую они содержат и которая определяет их почти несравненную ценность.

Обширно цитируемые и одновременно комментируемые автором чеховские рассказы,²³ (из пьес упоминаются "Дядя Ваня" и "Чайка"), создают в структуре эссе два семантических круга, которые мы условно назовем "ж и з н ь" и "Р о с с и я". Они в некоторой степени отвечают понятиям "художник" и "человек". Семантическое поле "жизни" образуют: "Случай из практики", "Скучная история" и "Моя жизнь". Из огромного наследия чеховской прозы Манн выбирает эти три повести. (Следуя семантическому разбору отдельных слов и помня о значимости чеховских заглавий, отметим, что случай и история - основные категории жизни вообще). Именно эти три повести, ненавязчиво присутствуя в потоке идей Манна, полностью отражают волнующие Чехова во всем его творчестве проблемы. Ставя вечные экзистенциальные вопросы (отчуждение людей друг от друга, отсутствие взаимопонимания между ними; абсурдность бытия, если не знаешь "что делать, и если у тебя нет цели жизни"), они передают те моральные истины, которые делают наследие автора "Студента" вневременным, универсальным.

Семантический круг "Россия" вырисовывается перед читателем в приведенных Манном рассказах: "Палата № 6", "Мужики" и "Невеста" (его дополняют лишь названные в начальной части текста "Толстый и тонкий" и "Смерть чиновника"). Их цитаты являются художественным комментарием и подтверждением вплетенных в поле "человек" исторических данных, касающихся общественно-политических порядков времени Чехова.

В изображенном мире "Слова о Чехове", в пространстве обоих полей "мира человека" и "мира художника", выступает то, что следует определить как "мир культуры". В нем мы находим имена, связанные с русским искусством (Белинский, Г. Успенский, Гаршин, Короленко, Пальмин, Потапенко, Левитан, Горький, Станиславский), а также представителей европейской культуры (Шекспир, Бальзак, Мопассан, Бурже, Ницше, Вагнер). Примечательно, что в этом обширном списке, свидетелемствовавшим о хорошем знании Манном разнообразных явлений русской культуры, присутствуют имена, не покидающие автора "Будденброков" на протяжении всего его творческого пути (Толстой,

²² Эмпирической принято в литературоведении считать цитату, которая в кавычках приводит чужой текст. См. *Danek, D.: O cytatach (quasi-cytatach). (W): O polemice literackiej w powieści, Warszawa 1972, ss. 70-115.*

²³ Комментирующая цитата в эссе экзemplифицирует тезисы автора и дополнительно освещает их. См. *Wroczyński, T.: Esej - Zarys teorii gatunku. Op. cit., s. 107.*

Вагнер, Достоевский, Ницше). Привязанность Манна к Толстому подтверждается также и тем, что в анализируемом эссе - связанном, правда, с Чеховым - прозаик постоянно обращается к своему великому мастеру (используя отступления, комментарии или аллюзии), будто бы он не в состоянии освободить себя от "толстовских мыслей". Именно личность Толстого служит автору "Тонио Крегера" средством выявления основной черты характера Чехова (по принципу противоположности), которую Манн ценил больше всего у художника - скромности.²⁴ Писатель находит у Чехова гармонию сердца и разума (Чехов-позитивист), свойственное его творчеству равновесие, меру и в то же время естественность, ненавязчивое, постоянно присутствующее моральное начало.

Рассказать о человеке и художнике значит для Манна выявить те элементы идей и мыслей воссоздаваемого им образа, которые самому автору "Доктора Фаустуса" близки, родны его духу искусства, и которые должны трогать всякого настоящего художника. Примечательно, что среди мастеров у обоих писателей находим имя Гёте, что политру интеллектуальных влияний образуют вместе с Толстым и Достоевским также Шекспир, Лесинг, Шопенгауэр - если назвать только значащие фамилии. Но не только имена великих предшественников и современников обозначают путь, на котором встречаются Манн и Чехов. Наряду с чертами характера, отличающими обоих художников - дисциплинированностью, сдержанностью, огромным уважением к труду (эта черта Чехова особым образом выдвигается Манном в эссе), их соединяют приверженность к творческой свободе и особое отношение к действительности.²⁵ И еще, самое главное, кажется, - это глубокое понимание иронии самой жизни и принципы ее отражения в искусстве (Искусство, понимаемое как ирония и критика).²⁶ Ирония как способ заострения авторского критицизма по отношению к окружающему миру, подчас и как средство самоанализа, самокритики, обнажающая относительность найденной на данном этапе истины, характеризует миропонимание обоих художников. Часто лежащая в основе искусства

²⁴ Говоря о чертах, которыми отличался сам Манн, современный исследователь философ Теодор В. Адорно называет также скромность. См. *Adorno, T. W.: Do wizerunku Tomazza Manna. (W:) T. Mann w oczach krytyki światowej. Warszawa 1975, ss. 489-503.*

²⁵ И Чехову, и Манну важна свобода художника, его независимость оба мастера отстаивают. (Ср. статьи Манна "Бильзе и я", "Художник и общество" и многочисленные общеизвестные высказывания Чехова по этому поводу).

²⁶ "Жизненная правда, к которой прежде всего обязан стремиться писатель, обесценивает идеи и мнения; она по природе своей иронична, и часто приводит к тому, что писателя, который превыше ценит истину, упрекают в беспринципности, равнодушии к добру и злу, отсутствию идей и идеалов." *Манн, Т.: Слово о Чехове. (В:) Манн, Т.: Сочинения в десяти томах. Т. 10, с. 528.*

- замечает в эссе Манн - она представляет собой естественную, моральную, оправданную реакцию художника на сложность жизни, проблемы которой не поддаются ни быстрому, ни легкому решению.

Итак, мы перешли в то пространство эссе, где проявляются мысли и идеи его автора. Именно они, выполняя в изображенном мире примарную функцию, спаивают два, выделенных раньше в структуре текста, поля (связанные, припомним, с понятиями "человек" и "художник").²⁷ Пространство мыслей и мнений автора "Будденброков", вплетенных в свободный ход повествования о человеке и художнике, организуют раздумья, признания, отступления. Идея Манна сосредоточена вокруг главной в эссе мысли, ведущей к основным проблемам искусства вообще. Ее формулируют троекратно повторенные - почти на равных расстояниях в эссе, будто бы для того, чтобы они запомнились читателю - слова "важнейшие вопросы", принимающие в конечной части высказывания формулу "насущенные вопросы". Мысль о Чехове, постоянно сомневавшемся в том, не обманывает ли он читателя своим талантом, не зная как ответить на важнейшие вопросы (хотя сознававшим, что их "правильная постановка, умение отличать важные показания от неважных"²⁸ - этого уже достаточно, чтобы быть талантливым) - близка Манну, как близко ему изображение богатства мира "существования полноты" (Гете) и несовершенства условных понятий и представлений, при помощи которых человек пытается ориентироваться в этом мире. "Только тот, кто понимает другого, сумеет увидеть его полностью - замечает Энзо Пачи в своем очерке об иронии Манна, - и только тот, кто сумеет другого увидеть полностью и полностью в себе прожить (продолжает философ), может противиться в ком-то другом самому себе, и одновременно в том другом найти самого себя."²⁹

Кажется, что эти слова открывают смысл манновских поисков Чехова и приближения художнику "поистине уникальному" (как определил автора "Трех сестер" другой великий немецкий писатель Гюнтер Грасс).³⁰ Но в своем приближении к Чехову Манн где-то останавливается, будто бы чувствуя, что "сам человек - тайна, и весь

²⁷ См.: *Wroczyński, T.*: Op. cit., s. 106.

²⁸ Чехов, А. П.: Собрание сочинений и писем в 30-и томах. Москва 1976. Письма в двенадцати томах, т. 2, с. 280. См. об этом Катаев, В. Б.: Литературные связи Чехова. Издат. МГУ, 1989.

²⁹ *Paci, E.*: Związki i znaczenia. Eseje wybrane, Warszawa, 1980, ss. 91-92.

³⁰ Писатели ФРГ о России и русской литературе, "Иностранная литература", 1990, № 8, с. 210.

гуманизм состоит в уважении к человеческой тайне.³¹ Многим представляется Чехов удивительно гармоничным соединением гениального художника и выдающегося мыслителя, и именно то, что о самых важных и о самых сложных вещах он умел говорить просто и ясно, влечет к нему разные умы. Диалог писателя с мировой культурой XX века все продолжается. Свой скромный комментарий к этому диалогу обоснуем в заключение словами Роланда Бартеса: "Отдельный текст (...) открывает вход в сеть тысячи входов/дверей (...) входя в них, мы направляемся к перспективе, обозначенной голосами, доходящими из других текстов и кодов."³²

³¹ "Bo sam człowiek jest tajemnicą i wszelki humanizm polega na poszanowaniu tajemnicy człowieka." *Mann, T.: Wstęp do "Czar. g"*. Dla studentów Univ. Princeton, (w:) Tenże, *Eseje*, op. cit., s. 399.

³² *Barthes, R.: S/Z*. Paris 1970.